

УДК 821.161.1 «18»

Шестопалова Г. А.

Московский государственный областной университет

**АФОРИЗМЫ М.В. ЛОМОНОСОВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА.**

G. Shestopalova

Moscow State Regional University

**M. LOMONOSOV'S APHORISMS IN THE WORKS
OF M. SALTYKOV-SHCHEDRIN**

Аннотация. Научные труды в области лингвистики и филологии, литературное творчество М.В. Ломоносова реформировали литературный процесс в России и сохранили долгое глубокое воздействие на эстетические искания лучших русских писателей. Салтыков-Щедрин патристические критерии применяет для оценки значения миссии М.В. Ломоносова не только в литературном процессе, но и в развитии общественного сознания. К цитированию афоризмов из научных трудов учёного, из его шедевров классицизма часто обращается сатирик. Высоко оценивая просветительские идеи Ломоносова, Салтыков-Щедрин подчёркивает ценность его демократических проявлений.

Ключевые слова: афоризмы, литература, наука, демократизм, поэзия, сатира, писатель, учёный, гений.

Abstract. M.Lomonosov's research and literary works reformed the literary process in Russia and kept the long and deep influence in esthetic life of the best Russian writers. M.Saltykov-Shchedrin saw the value of Lomonosov's mission as patriotic in literary process and in social conscious. The satiric often quoted the aphorisms of Lomonosov's works in his essays, novels and articles. Saltykov-Shchedrin's appreciated Lomonosov's educational ideas and emphasized the democratism of the genius.

Key words: aphorism, literature, research, democratism, poetry, satire, writer, scientist, genius.

*300-летию со дня рождения
М.В. Ломоносова посвящается*

Лирическое вступление в связи с юбилеем

Михаил Васильевич Ломоносов пришёл в мою жизнь рано, в эпоху моих детских открытий мира. Мы жили тогда на Малой Андроновке, тихой улице недалеко от Рогожской Заставы, бульжную мостовую этой улицы ещё не разобрали, и сейчас думаю, что её разноцветная мозаика из круглого гранита мне тоже напоминает о мозаиках М.В. Ломоносова. По улице ещё ездил конный транспорт, редко, конечно, но улица оглашалась криками извозчиков и слышен был страшный грохот телеги и топот конских копыт.

Бабушка моя, Анастасия Петровна Никулина, была очень рада, когда узнала, что я читаю книгу Сизовой о Ломоносове. Она стала торжественно рассказывать, что он был великий учёный, способствовал развитию знаний во всех областях науки, он определял научное развитие, его знали и любили все.

Имя Михаила Васильевича Ломоносова – одно из душевнейших имён нашей отечественной науки. Именно поэтому он неотделим от семейного общения. Он любим и дедами,

и отцами, он – критерий истины в самом что ни на есть научнейшем смысле, общение с его гением дарит людям счастье.

В трудные минуты не раз учёные одобряют себя именем Ломоносова для того, чтобы вести дальше эксперимент, не обрывать начатого дела, честно служить прогрессу.

В.М. Ломоносов воплотил положительный идеал учёного-энциклопедиста, он в веках не утрачивает значения критерия научной целеустремленности и чести.

В XVIII столетии М.В. Ломоносов находился в русле культуры своей поры, вершинные проявления русского классицизма связаны с его творчеством. Тайны вселенной и все другие тайны он разгадывал вместе с Богом и писал об этом в стихотворении:

*Устами движет Бог, я с ним начну вещать.
Я тайности свои и небеса отверзу,
Свидения ума священного открою.
Я дело стану петь, несведомое прежним!
Ходить превыше звезд влечет меня охота
И облаком нестись, презрев земную низкость.
(1747) [2, с. 73]*

Удивительные строки! Они лучше трактатов объясняют нам особенности этики науки в эпоху классицизма. Виртуозно воплощена гармония научных помыслов и их соизмеримость с культовой признательностью.

Воздавая хвалу ученому, просветителю в 300-летие со дня его рождения, мы думаем, а что бы он сам хотел от нас услышать и, обращаясь к его поэтическому наследию, повторяем строки его шедевра:

*Хвалите Господа, вся земли языки,
Воспойте Вышнего, все малы и велики,
Что милость он свою вовек поставил в нас,
И истина Его пребудет всякий час. (1747) [2, с. 75]*

М.В. Ломоносов и М.Е. Салтыков-Щедрин

Воздействие на литературный процесс учёного-энциклопедиста, литератора, поэта, лингвиста Михаила Васильевича Ломоносова (1711-1765) было еще более коренным и обширным в сравнении с литераторами его эпо-

хи. Все сферы современных учёному знаний были подвластны его гению, во всех он оставил значительный след, способствуя развитию просветительских идей Петра Великого.

Достоинства учёного М.В. Ломоносова справедливо оценивал В.Г. Белинский в статье «Литературные мечтания» (1834): «С Ломоносова начинается наша литература; он был её отцом и пестуном; он был её Петром Великим. Нужно ли говорить, что он был человек великий и ознаменованный печатью гения? Всё это истина несомненная. Нужно ли доказывать, что он дал направление, хотя и временное, нашему языку и нашей литературе? Это ещё несомненное. (...) Ломоносов – это Петр нашей литературы: вот, кажется мне, самый верный взгляд на него. (...) Говорят, что он глубоко постиг свойства языка русского! Не спорю – его «Грамматика» дивное великое дело» [1, с. 68, 69, 70].

М.В. Ломоносов формирует основы традиции использования теоретических знаний и выводов, которыми сопровождает своё творчество. Филологические труды учёного многочисленны по критериям оценки XVIII столетия, они эпохально значительны по внедрению в практику жизни литературы, по структурированию литературных жанров и форм, по определению закономерностей литературных течений и выявлению доминант.

Классицистические обоснования литературной жизни, овеянной идеалами отечества, отзвучат и в творчестве, и в теоретических выводах о писательском труде сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Несомненно, личность и творчество М.В. Ломоносова глубоко прочувствованно воспринимались М.Е. Салтыковым-Щедриним. При изучении следов воздействия творчества гения в поэтике сатирика складывается впечатление, что он потрясён подвигом М.В. Ломоносова, который осознаёт как проявление любви к Родине, России, аккумулирующее великие демократические побуждения.

В очерке «В дружеском кругу» из художественно-публицистического цикла «Благо-

намеренные речи» М.Е. Салтыков-Щедрин размышляет:

«... Любовь к отечеству, писалось в этом проекте, – родит героев. Она возвышает нравственную температуру человека, изоцряет его ум и делает его способным не только к подвигам личной самоотверженности, но и изобретению орудий с целью истребления врагов ... Науки обязаны ей своим непрерывным развитием, чему примером служит Ломоносов, который, будучи рождён в податном состоянии, умер в чине статского советника ...» [5, с. 11, 421].

«Ломоносов был простой рыбак, а умер статским советником!» – восклицает герой романа «Современная идиллия» [5, с. 15-1, 76] в назидание стремящимся преуспеть.

Высокая оценка научных открытий Ломоносова преумножает достижения российских знаний, в художественно-публицистическом цикле «Мелочи жизни» Салтыков-Щедрин утверждает:

«Имена Ньютонов, Франклинов, Галилеев, Ломоносовых будут переходить из века в век; имена Наполеонов и других концертантов потонут в болотных топях. Таков закон вещей, и никакое насилие не может его обойти. Не обойдёт его и история» [5, с. 16-2, 16].

Антиномичное сравнение положительного и отрицательного помогает сатирику определять устои бытия.

М.В. Ломоносов создал первую «Российскую грамматику» (1755), которая открывалась словами, ставшими афоризмом, исполненными глубочайшего патриотического смысла, подводящими итоги раздумий о судьбе своего славянского наречия Великих Князей, царей и лучших умов России: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с Богом, французским с друзьями, немецким с неприятельми, итальянским с женским полом говорить прилично... Но если бы он российскому языку был искусен, то ... нашел бы в нём великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изобра-

жениях краткость греческого и латинского языка» [3, с. 235].

К цитированию «Российской грамматики» М.В. Ломоносова М.Е. Салтыков-Щедрин обращается в очерке «Апрель 1863 года» из цикла «Наша общественная жизнь», это речевое цитирование, то есть цитирование по памяти, что уточняет коренной образ афористики Ломоносова для размышлений сатирика:

«Спрашиваю я вас, милостливые государи, на каком рациональном основании знакомый мне судья, трусивший часто самого последнего столоначальника губернского правления, обладал в этом случае такую непосредственную храбрость? А просто обладал – да и все тут! Скажу более: он сам не сознавал, что обладает этою храбростью, ибо даже не понимал, в чём тут храбрость!

– Помилуйте, Кузьма Терентьич! – усевещиваешь, бывало, его, – как же можно этак с маху решать человека?

– Стану я ворами потакать!

– Да ведь закон, Кузьма Терентьич, закон!

– Стану я ворами потакать!

– Да ведь вы можете невинного погубить!

– Стану я ворами потакать!

И я уходил от Кузьмы Терентьича опечаленный. «Господи! – Думал я, – вот и закон есть, и гарантии всякие есть... что ж это такое!» Да и то ещё приходило мне в голову, что ведь Кузьма-то Терентьич чудесный малый: мухи никогда не обидел! И долго бы плакал я таким образом, если б не догадался наконец, что *«тупа философия, косноязычна риторика ... без грамматики!»* Да, именно грамматики-то у нас и нет! – рассуждаю я в настоящее время и, верите ли, благосклонный мой читатель, чувствую себя обновлённым и освежённым» [5, с. 6, 58].

Дословно цитата выглядит так: *«Туна оратория, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики»* (М.В. Ломоносов «Российская грамматика», 1755).

Афоризм Ломоносова имел активную жизнь в блестяще образованных кругах

дворянского общества, поэтому обращение к нему Салтыкова-Щедрина не случайно. Смысловая особенность афоризма употреблена в тексте очерка не в прямом значении, под «грамматикой» имеются в виду азы правовой системы, в забвении которых упрекает повествователь судью Кузьму Терентьича. Сатирик имеет широкий ассоциативный план, свои выводы он скрепляет готовыми формулами, полюбившимся в обществе, однако использует их в переносном значении, демонстрируя оригинальность своего художественного мышления.

У истоков сближения с народностью, которое не могло в условиях абсолютистской монархии получить законченное словесное понимание, стоит теоретическое обоснование силлабо-тонической системы, изложенное в «Письме о правилах Российского стихотворства» (1739). Вместе с В.К. Тредиаковским и А.П. Сумароковым М.В. Ломоносов выступает за необходимость обогатить искусство виршевиков традиционностью тонического (акцентного) стиха, которым владеет народ в своей древней культуре устного поэтического творчества и из объединения закономерностей силлабики и тоники вывести силлабо-тонические размеры для поэзии XVIII и последующих веков.

Сейчас мы бы сказали: такой опыт обогащения *народностью* много впоследствии способствовал развитию «чувствований», что и обусловит скорое изменение методологии: на смену классицизма придёт сентиментализм.

Другой важнейший опыт, связанный с истоками в России теории сатиры находим в трактате М.В. Ломоносова «Предисловие о пользе книг церковных в Российском языке» (1757). Для анализа лингвистического состава русского языка М.В. Ломоносов применяет методологию естественно-научных открытий и выводов, это выражено в сравнении: «Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и русский язык чрез употребление книг цер-

ковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трёх родов речений русского языка» [4, с. 249].

М.В. Ломоносов в некотором роде, не свидетельствуя об этом прямо, так как время изучения фольклора в науке ещё не наступило, подводит итоги изучения взаимодействия родов, речений и «штилей» литературного творчества: процесс движения жанров фольклора в теории трёх «штилей» тоже имеет свое осознание.

М.В. Ломоносов указывает:

«От рассудительного употребления и разбору сих трёх родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий.

Первый составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляются героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в русском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нём можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равенность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле русского протонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить героизм и высокие мысли; и в нежностях должно

от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры (подчеркнуто нами. – Г. Ш.), эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий стиль принимает решения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая с средним, а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться, по пристойности материй, каковы суть описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание надлежит до нарочного наставления о чистоте российского стиля» [4, с. 250].

Теоретические открытия Ломоносова окрыляют учёных в их стремлении развивать и обогащать науку. Прекрасное знание теоретических основ позволяет Салтыкову-Щедрину стать непревзойдённым мастером сатирической типизации XIX столетия. Эстетические и научные выводы писателя о сатире, об особенностях жанров, о стилевых приметах развивают учение Ломоносова применительно к новой поре.

В «Письмах о провинции» Салтыкова-Щедрина есть строки, которые дают обоснование эволюции крылатым выражением из торжественной оды М.В. Ломоносова, которая цитируется по памяти, из-за чего афоризм имеет неточность: «Как ни вредны науки, но совершенно упразднить их нельзя, потому что

*Науки юношей питают,
Отраду старцам подают ... –*

и, следовательно, позволяют и тем и другим проводить время без ущерба для благочиния» [5, т. 7, с. 224].

*У Ломоносова
Науки юношей питают,
Отраду старым подают ... [2, с. 89]*

Речевое цитирование, как правило, имеет небольшое варьирование, таковы особен-

ности запоминания и обращения к памяти через большой отрезок времени. Салтыков-Щедрин, как видим, доверяет памяти и не сверяет афоризмы с первоисточником при подготовке своих произведений к печати.

К афоризмам М.В. Ломоносова Салтыков-Щедрин обращается часто. Он цитирует такие шедевры классицизма, как «Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года», «Ода блаженныя памяти Государыне императрице Анне Иоанновне на победу над Турками и Татарми и на взятие Хотина 1739 года», «Ода, выбранная из Иова, главы 38, 39, 40 и 41» и др.

Афоризмы входят в состав аргументов, однако ими решаются не только смысловые проблемы, афоризмы делают речь эмоциональной, взволнованной, красочной.

Смелость суждений, глубокая самостоятельность выводов, оригинальность полёта научной фантазии Ломоносова, несомненно, укрепляли идейные воззрения Салтыкова-Щедрина; в оценках сатириком общественно-литературной ситуации проявилась индивидуальная и единичная позиция и не случайно важные выводы скрепляются афоризмом из «Оды, выбранной из Иова»:

«(...) когда явилась возможность согласиться насчёт реформ Петра, то споры об этом предмете прекратились очень скоро, а вслед за тем и название «западников» утратило свой смысл. Спор вошёл в те границы, в которых ему всегда следовало быть, и получил своё естественное содержание. В наше время не только нет «западников», но даже само слово «западничество» заглохло в литературе. Есть в Российской империи люди благомыслящие, есть люди просто преданные, есть люди вдохновенно-преданные, есть нигилисты, есть ерундисты, есть стрижи. А «западников» нет.

А вы против них-то и вооружаетесь, да ещё придаёте «западничеству» самый простой, нехитрый смысл: смешиваете его с обзьянничеством. О, Стрижи!

*О ты, что в горести напрасно
На бога ропщешь, человек?»* [5, т. 6, с. 512]

Афоризм Ломоносова в данном случае подчёркивает эрудицию Салтыкова-Щедрина, владение особенностями литературной жизни, придаёт нетленный, возвышенный смысл полемическому выступлению, затрагивающему острые стороны литературной полемики. Ломоносов как бы становится сторонником Салтыкова-Щедрина, его поэзия участвует в утверждении истины, познанной сатириком.

М.В. Ломоносов незаурядными жизненными проявлениями, обилием научных трудов, шедеврами поэзии глубоко укоренился в натуре М.Е. Салтыкова-Щедрина, сложно-

го писателя, опыт которого тоже является национальным достоянием России. Это типичное единение с гением для русских демократов, направление идейных воззрений которых в своих наиболее ранних интуитивных проявлениях имеет жизнь и творчество М.В. Ломоносова.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. – М., 1976-1982.
2. Ломоносов М.В. Сочинения. – М.: «Современник», 1987.
3. Ломоносов М.В. Соч. – М.: «Художественная литература», 1957.
4. Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке. // Критика XVIII века. – М.: «Олимп», 2002.
5. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. – М., 1965-1977.